
Прости мне этот первобытный страх -
бегу туда, где сухо и тепло.

О, детство - бьется бабочка в руках,
я молча отрываю ей крыло,

и что-то есть звериное во мне
в соседстве с беззащитной чистотой.

Я принимаю это, ведь вполне
осознаю, что остаюсь такой

и до сих пор. Опять средь бела дня
внутри меня не хочет спать ребенок,
смеется смерти бабочки - и я
бегу домой, где вечер тих и долог.

Касаться пальцами - не губ твоих, цветов,
перебирать их стебли, размышляя,
как шелест трав похож на звук шагов,
который постепенно утихает,

а ночью продолжается внутри,
врастая в грудь какой-то странной болью.

Упав в траву, я трогаю цветы,
которые шагов твоих не помнят.

Возвращаюсь в твои голубые глаза,
это все не о том - небеса, бирюза:
в них тогда было много воды.

Как приходишь к ребенку-себе и молчишь,
и не видишь знакомых домов или крыш,
лишь лежит пара щепок худых

от седой голубятни на старом дворе -
так и здесь ничего не осталось во мне,
только привкус беды.

День, слишком громкий, наконец затих.
Слова лежат, ночь ворошит их залежь -
слов много, ты надеешься на них,
пока не зачерпнешь, не исчерпаешь,
не вычерпаешь все от сих до сих,
и знаешь, что сказать, а как - не знаешь.
Иди ко мне, приди ко мне, мой стих.

Тень от ветвей царапает окно,
как будто даже звук какой-то слышен,
и зрелость ждет во мне уже давно -

всю жизнь растет внутри. Вдыхает. Дышит.
В ушедшем дне не разглядеть того,
о чем она пока ещё не пишет.

Окно мое, ты видело меня
уже во всех, пожалуй, проявлениях,
но все еще глядишь день ото дня,
впуская свет и стеклами звеня,
как я, влюбляясь, становлюсь слабее,

как плачу о земном, о неземном,
как плачу, что устала столько плакать,
как я пишу ночами за столом
и прячу письма, чтоб отдать потом,
а может, не отдав, продолжить прятать.

И ты глядишь, как я к тебе иду,
глядишь в меня, как озеро в Нарцисса,
и ловишь взгляд, чтоб только убедиться,
что отразит тебя, а не беду.

Но скоро ночь. Я вижу сквозь стекло
листву деревьев, летний вечер. Странно
болит в груди. Письмо молчит о главном.
И знаешь только ты, мое окно.

Днем снова выпал снег. И белизна
слепит глаза - не знаешь, где укрыться,
чем дольше ищешь, тем сильнее мнится -
сквозь толщу снега смотрят имена

забытых мной. Не прикрывая век,
я падаю коротким тихим взглядом
в ответ смотрящим странным белым пятнам
и обвиняю в этом только снег -

он снимет мое имя, как пальто,
откинет ветром весело и рьяно,

оставив среди мира безымянной
меня, которой станет все равно.

Над крышей соседнего дома летают стрижи.
Мой старый балкон и кирпичные белые стены
молчат о тебе, разделяя мою *nostalgie*,
и новое чувство приходит печали на смену.

Ты есть - стоит только подумать, и сердце щемит,
но как мне сказать тебе это, словами какими?
Такой равнодушный, мой город привычно шумит,
пока на кирпичной стене я пишу твое имя.

Снег поутру как мрамор бел, а ты все думаешь о смерти -
что ж, умирай, не медли миг и отболи, как лист последний,
но умирая посмотри на красоту холодных статуй,
эмоций в мраморном лице - создатель, в жизни виноватый,
любую линию на них переживал своим же телом,
живое мертвое дитя достав из каменного плена,
и ты среди прохлады лиц сверкни мгновенно и нерезко,
не криком - шелестом травы, почти не слышным водным
всплеском,

останься тихим, отлетев в моем последнем "не покину",
и очень больно упади слезой на мраморную спину.